

УДАРЦЕВ
РОМАН

ПЛАЙ

18+

Роман Сергеевич Ударцев

Тай

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51241915

SelfPub; 2020

Аннотация

Зачем праведнику становится предателем и беглецом? Не здесь, в наших Тяжелых мирах, а там, в Горних Высях. Почему посмертие живущие встретят воплями ужаса? Сама Судьба помогает Таю нарушить первую Догму "Демиург – получит всё, что захочет!" А хочет он всё. И потому, струсившему праведнику придется однажды остановиться и встретить главный ужас бытия и небытия лицом к лицу.

Изображение для обложки взято с сайта бесплатных изображений Пиксабай: <https://pixabay.com/ru/photos/матовая-покраска-sci-fi-3571084/>

Часть первая.

Глава 1.

Тай рванулся, но чешуйчатые держали крепко. Эти твари были очень сильны. Можно было утешать себя мыслью, что все заживет, но боль от этого не становилась меньше. Когда Голдузя полоснул первый раз, Тай закричал от боли. Но он ошибся, боль только начиналась. Голдузя сделал еще три надреза. Глубоко, до кости, а потом засунул туда свои холеные, покрытые разноцветным лаком, когти.

Когда мясо отрывают в твоём присутствии и когда его выдирают из тебя звучит совершенно по-разному. Несмотря на напрягающий горло крик, Тай слышал этот мерзкий звук рвущейся плоти, как будто раздирают гнилое полотно. Если бы он мог вырубиться, просто отключить сознание, пока Голдузя добывает свежак, но долбанная Догма Разума действовала даже тут, в Отхожих Пещерах.

– Вы бы его дубинкой оглушили, – поморщилась в углу Кубана, откладывая в сторону свиток с порнографическими картинками – от его воплей аппетит пропадает.

– Хочешь на диету сесть? – Голдузя оскалил в веселой улыбке свои похожие на иголки клыки.

– Что бы тебя взвод Паду поимел! – огрызнулась Кубана

и плюхнулась обратно на топчан.

Голдузя оторвал наконец кусок и кинул его в котел с кипящей водой. Тай от кровопотери уже не имел сил кричать и только стонал. Чешуйчатые, тупые как глупость, но исполнительные, за что хозяин Отхожих Пещер их и держал, бросили Тая на пол. Раненный попытался ползти в сторону выхода из пещеры. Голдузя оглянулся и выругался:

– Идиоты тупые! Киньте его в яму.

В углу, в проломе зияла вертикальная шахта, очевидно идущая до самого Демиурга. Тая обвязали веревкой подмышками и бросили вниз. Рывок и он повис, раскачиваясь и воя от боли. Под ногами была бездна куда лететь долгие часы. Сейчас идея попасть к Демиургу уже не казалась такой безумной. Хотя, конечно, Тай думал так от отчаяния и боли.

Догма Свежести делала свое дело, хотя без источника пищи, заживление шло медленно и обязательно останутся шрамы. Тай почувствовал чье-то присутствие рядом. Другой горемыка как колбаса в дымоходе висел на веревке рядом. Тай сжался и был готов. Когда призрачные, невидимые во тьме пальцы коснулись его кожи, он, что было сил ударил по ним.

– Ты что? – воскликнул неизвестный, в густом сумраке Тай видел лишь его желтые глаза – Я только поздороваться хотел.

– Язык у тебя есть, – зло ответил Тай – вот и здоровайся. А если решишь полакомиться, у меня хватит сил выпотрошить тебя.

– Когда-нибудь, – огрызнулся незнакомец – ты уснешь и тогда я наемся наконец!

– Тому, кто однажды ступил на Внутреннее Кольцо, больше никогда не вкушать сна, – Тай не испытывал ненависти к собрату по несчастью, но становится обедом еще раз не хотел.

– Ты догматик? – вытаращился незнакомец – Какого хрена ты делаешь в Отхожих Пещерах? Вы вообще целыми днями умащиваете тела мазями и благовониями, а также готовите душу!

– Не твое дело! – грубо ответил Тай.

Вообще он и сам с трудом понимал, как оказался здесь, на этой помойке, вместо того, чтобы готовиться к Поглощению. Веками он стремился на Внутреннее Кольцо, перестраивал разум, чтобы Догмы стали часть его самого. Увидеть Демиурга, казалось несбыточной мечтой. И вот когда он увидел, то сбежал. Есть ли в этом смысл, он и сам не понимал.

Он почти пробрался через эти прогнившие, зловонные катакомбы, когда Голдузя его поймал. Хорошо, что окраинный житель не узнал, что Тай догматик иначе сдал бы его взводу Паду, а не освежевал.

– Расскажи, какой он? – попросил незнакомец почти нормальным голосом, видимо его безумие отступило на время.

– Подтянись ближе, – поманил Тай, его глаза тоже почти привыкли к мраку, и он уже различал темную тень незнакомца.

Тот перебирал руками и обрубками ног по скалистым стенкам шахты и приближался. Любопытство разбирало его, еще бы! Узнать что-то у догматика, одного из тех, кто ступил на Внутреннее Кольцо. Когда узник дотянулся до Тая, тот схватил его за голову и изо всех сил ударил по стенке. С первого раза незнакомец не отключился, лишь тонко заверещал и попытался отбиваться. Силы были неравны. Тай уже начал восстанавливаться, а незнакомца рвали на куски много месяцев. С третьего удара тот наконец потерял сознание.

Тай подавил желание вцепиться в плоть зубами. Самый простой способ восстановиться – сожрать кого-нибудь. Но не ужас каннибализма заставил его отказаться. Сейчас для него важно было сбросить вес. Так что Голдузя даже помог ему, выдрав самые жирные куски из его тела.

Любопытный незнакомец был опасен. Если он сообщит Голдузе кто такой Тай, то его сдадут взводу Паду. Так рисковать он не мог. Для верности он еще раз ударил безвольно болтающуюся голову о камень. Если повезет, то до Выдоха он не очнется. Снизу донесся густой, заставляющий дрожать стены пещеры рокот. Сейчас вертикальная шахта успокоится на несколько часов, до самого Выдоха. Тай подергался на веревке, пытаясь устроиться поудобнее, но только затянул петлю туже.

Оставалось ждать. Тай прикинул, стоит ли сейчас достать спрятанную ткань, но не хотел рисковать и оставил ее на месте. Без беготни в голову опять полезли мысли. Ведь ничего

нового на Внутреннем Круге он не узнал. То же самое ему рассказывали сотни и сотни раз. Об этом он читал у великих мыслителей. Почему же он испытал такой ужас? Тай вздохнул. Видимо он дефектный, другого объяснения, почему он сейчас болтается как кебаб на веревке в Отхожих Пещерах, а не готовится к Поглощению, у него не было.

Время шло. Тай рассчитывал, что Голдузя и Кубана не проголодаются до Выдоха, но ошибся. Первого поволокли вверх незнакомца. Тот безвольной тряпичной куклой стучался о стенки шахты, пока не ударился о выступ еще не зажившей раной на голове. Видимо боль прояснила сознание. Он тонко заверещал:

– Голдузя! Голдузя! Отпусти меня! Я скажу тебе такое, что ты отпустишь меня!

– Молчи дурак, – зло прошептал Тай, но сделать ничего не мог.

– И что меня заставит, – насмешливо спросил Голдузя выволакивая из шахты изувеченного пленника – не жрать твоего мяса? После тебя так чудесно гадится!

– Он догматик! – верещал узник – Беглец с Внутреннего Круга!

– Что за хрень ты мне втираешь?! – рявкнул Голдузя.

– Я правду говорю! Правду! Правду! – визжал узник, видимо Голдузя принялся его обдирать.

Тай смотрел на освещенный пролом в шахте и ждал. Наконец темная тень заслонила свет и воющий обрубок полетел

вниз, как несколько часов назад сам догматик. Беглец отпрянул, чтобы тело не попало в него. Оставался мизерный шанс, что Голдузя не поверил рассказу сумасшедшего узника.

Его потянули наверх. Голдузя на всякий случай решил проверить. Снизу снова послышался рокот, но у Тая нечем было обрезать веревку, иначе он бы испытал удачу. Хотя ускорением падения тело размазало бы по стенкам раньше, чем мощь Выдоха подхватит его. Потом искореженная плоть бессильно осядет на Внешних Кольцах и там его подберут, чтобы вернуть. Без ткани план побега рушился, как и без целых рук, чтобы эту ткань удержать. От бессилия хотелось плакать, но доставлять такое удовольствие каннибалу, Тай не собирался. Поэтому в пещеру его втащили спокойного и отрешенного. Усилием воли Тай запрещал себе думать, что с ним сделает взвод Паду, хотя подозревал, что свежевание покажется наслаждением. Чешуйчатые продолжали жевать куски предыдущей жертвы, когда схватили его и поставили на колени перед Голдузей.

– Очень интересно, – Голдузя тряпкой стирал с лап кровь – значит ты догматик?

Тай молчал. Врать смысла не было, проверить истинность этого утверждения можно было очень просто. О чем Голдузя знал и потому задал простой вопрос:

– В чем Цель?

– Шагнуть с Кольца! – Тай не мог промолчать, не мог соврать, Первая Догма стала его сутью.

– Прекрасно! – Голдузя был доволен – Сейчас вызовем взвод Паду и отправишься ты, прекраснородушный, обратно на Внутреннее Кольцо. Правда, я уверен, что тебя ждет много интересного по пути. Но это не мои проблемы. Зато какая награда меня ждет!

– Твоей наградой будут Дыхательные рудники, чтобы ты никому не проболтался обо мне – Тай попытался объяснить истинное положение дел помоечному каннибалу, но особым интеллектом тот не отличался – Будешь вгрызаться в камень от Внешних Колец к Демиургу. Займет это у тебя несколько сотен лет, а в конце ты сам будешь рад падению.

– Настоящий догматик! – хохотнул Голдузя, потом резко размахнулся и врезал Таю в лицо – Беглец, а все равно поучает. Ладно, надо кончать этот треп. Кубана вызывай взвод Паду. Кристалл рядом с тобой.

Та игриво махнула сегментированным хвостом с внушительным жалом и сказала:

– Погоди, сдать его всегда успеем!

– Чего ждать-то? – удивился и нахмурился Голдузя.

Кубана последнее время позволяла себе слишком много. Может быть, думал Голдузя, пришло ей время повиснуть на веревке в вертикальной шахте. Тем более ее мясо должно быть вкусным.

– Скажи, догматик, как тебя зовут?

– Тай, – неохотно ответил тот.

– Зачем ты сбежал? – снова спросила она – Да и куда?

В Отхожие Пещеры? По-моему, лучше уж на Внутреннем Круге, да и Шаг не так отстоен как эта помойка.

– Можно сбежать дальше, – у Тая появилась тень надежды – в Тяжелые Миры. Главное знать, как.

– И ты знаешь? – промурлыкала Кубана ласково.

Тай насмешливо промолчал, но по его улыбке Кубана поняла, что он знает. Но не скажет.

– Тупая сука! – рявкнул Голдузя – Где кристалл?

Голдузя знал, что в Отхожих Пещерах все держится на страхе. Если его самка не будет ему покорна, то другие могут решить, что он слаб. А это верный способ из хищника превратиться в жертву. Любой намек на неповиновение надо было пресечь в зародыше. Как бы ему ни нравилась Кубана, подобное терпеть нельзя.

– Вот он, – с напускной покорностью Кубана встала на колени и протянула Голдузе мутно-серый кристалл – мой господин.

– То-то же! – проворчал Голдузя, решив, что сегодня не будет свежевать и подвешивать подружку, но уж следующего неповиновения не спустит точно.

Кристаллы связи работали примитивно и просто. Надо было представить того, с кем хочешь поговорить. А дальше просто обращаешься к кристаллу как к собеседнику и слышишь его. Первую попытку связи прервал рев из шахты, уже скоро начнется Выдох, но пару минут затишья у него было. Голдузя отошел в дальний угол, к шахте, чтобы Кубана не

слышала с кем он говорит. Связи с ключевыми личностями в Отхожих Пещерах тоже были на вес золота и делиться ими было глупо.

Кубана увидела, что ее сожитель отвлекся и подскочила к Таю. Чешуйчатые без дополнительных приказов лишь исполняли предыдущий, то есть держали пленника.

– Поклянись Догмой Чести, – прошептала Кубана – что возьмешь меня с собой. И тогда я тебя вытащу!

– Сколько ты вешишь? – спросил Тай, вес решал все в этом вопросе – Только честно!

– Шесть каев, – быстро ответила Кубана, потом потупила взор и добавила – шесть с четвертью.

– Тогда это возможно, – хмуро сказал Тай – но будет больно. И да, я клянусь Догмой Чести.

Кубана небрежно дважды махнула хвостом и ее острое жало впилося чешуйчатым под набедренные повязки, единственное место, где они были уязвимы. Оба застыли пораженные ядом. Голдузя кричал в кристалл, пытаясь перекричать нарастающий грохот Выдоха. Он успел заметить, как его сожительница метнулась к нему, но времени отреагировать у него не было. Любовница столкнула его в шахту. Этот вопль, с удовлетворением подумала Кубана, собеседник точно услышал.

Тай пытался разжать руки застывших чешуйчатых. Время уходило, вот-вот начнется Выдох. Кубана подхватила с пола кривой кинжал и подрезала сухожилия на лапах чешуй-

чатых. Только так они смогли освободить пленника.

– Рассказывай, как выбраться! – крикнула она сквозь грохот.

Догматик достал ткань из единственного места, где Голдузя его не обыскивал, проще говоря из задницы. Тончайшая, сплетенная из нитей судьбы, она могла подхватить их во время Выдоха. Надрывая горло, он объяснял это Кубане. Проблема была в том, что максимальный вес, который способна вынести в Тяжелые Миры эта ткань, двенадцать каев. Сам Тай весил восемь.

Кубана подумала было бросить Тая в Отхожих Пещерах, но увидела сложнейшую систему управления при помощи веревочек и ленточек. Ей ни за что не освоить ее без помощи. Догматик усмехнулся, он понял направление мыслей Кубаны.

– Что делать? – прокричала она.

– Доводить вес до необходимого, – ощерился Тай и показал на огромный разделочный топор, валяющийся на полу.

– Не бросай меня! – жалобно попросила Кубана, с ужасом смотря на топор.

– Я поклялся, – успокоил ее Тай и опустил топор.

На нее, в отличии от Тая, Догма Разума не действовала, и она потеряла сознание почти сразу. Будь у них время, Тай обязательно нашел время и силы, чтобы пожалеть ее. Найти другой способ, не отрубая ее изящных ног. Вот только времени у них не было. Как только Выдох закончится, сюда

прибежит взвод Паду. Наспех наложив жгуты, он привязал Кубану к себе.

Преодолевая ветер, рвущийся из вертикальной шахты, он шаг за шагом двигался к ней. Наконец он вцепился в края и зашвырнул себя и Кубану в шахту. Их поволокло вверх, наружу, к Внешним Кольцам. В воздухе было много мусора, слизи и песка. Наощупь он развернул ткань и их скорость увеличилась в разы. Если на пути попадетя хоть микроскопический выступ, их просто размажет по стенкам шахты.

Давление Выдоха все увеличивалось, лямки тканевого парашюта врезались в мышцы, уже разрезав кожу. Ничего не видящий, Тай вдруг рассмеялся и ветер затолкал смех обратно. Все равно ему было смешно. Именно тот, от кого он убежал и помогал ему совершить побег. Догматик находил это забавным. Наконец их выплюнуло со стороны Внешних Колец, и Пустота объяла беглецов. Тая поразила тишина, такая странная, непривычная. Демиург никогда не утихал, как и живущие на Кольцах. Здесь во тьме стоны Кубаны казались оглушительными. Лишь вдали, глубоко под ними отдаленно гудели Внешние Кольца и Демиург.

Тай обеспокоенно посмотрел вниз, но они не замедляли полета и не начинали падать. Его побег удался. Совершенно счастливый, догматик радовался даже врезавшимся в плоть веревкам.

Холод был странным. Вовсе не обжигающее леденящее ничто между мирами. Было ощущение, что внутрь тела на-толкали холодных, слизких камней. Свербящий сип вырвался из горла и перешел в густой харкающий кашель. Тай попробовал подняться, но тело был слишком тяжелым и неповоротливым. Он не мог понять, почему же так холодно, потом сообразил, что само тело остыло. Мешковатая одежда примерзла к земле. Кое-как он перевернулся набок.

Вокруг пахло гниющей едой, горелой мокрой травой и навозом. Если бы не леденящий холод, он подумал, что вернулся в Отхожие Пещеры. Хотя там еда не гнила, помоечники вроде Голдузи подбирали и сжигали все. Глаза не желали открываться, не сразу он сообразил, что ресницы смерзлись. С усилием ему все же удалось приоткрыть веки. Перед ним была грязная площадка, с двух сторон серые стены, слева кусок земли с чахлой растительностью, а прямо зеленые вонючие ящики.

Последнее, что запомнил Тай перед тем, как очнулся, это полет через бездну с безногой Кубаной привязанной к поясу. Мысли путались, а двигаться было все труднее. Усилим воли, Тай заставил себя думать, анализировать собственное тело. И сразу же сделал несколько открытий. Первое, что тело не его. Вместо изящных, как змеи рук, две волосатые ручищи, подпирали приличного размера живот. Второй факт был еще более странным – тело было мертво. Причем уже несколько часов, раз успело примерзнуть к поверхности.

Воздух, насколько мог судить Тай, был лишь немного холоднее точки замерзания воды.

Теперь было понятно, почему было так трудно думать и двигаться. Впрочем, как говорил учитель Тая Крид, точное определение проблемы включает половину решения. Привалившись к стене, догматик принялся диагностировать доставшуюся собственность. Тело было не в таком уж плохом состоянии. Плохо работала нервная система, видимо у бывшего хозяина, жизнь была несладкой. Тут и нашлась причина смерти хозяина – в мозге лопнул крупный сосуд. Даже на Внешних Кольцах это была ерундовая проблема, решаемая соплявым учеником, но кто знает, как все обстоит в Тяжелых Мирах.

Довольно легко все починить, но оставался вопрос, где взять энергию и тут Тая осенило: жир! Насколько он мог судить, у тела имелся избыток жира процентов двадцать. Возможно, хозяин готовился к длительному отсутствию пищи. Хотя, судя по тому, что из зеленых ящиков вываливались горы недоеденной еды, голод не грозил.

Тай приподнял одежду, выбрал самое примороженное место на животе и принялся выдирать кусок. Хотя руки у тела были мощные, замороженный жир и кожа поддавались трудно и тяжело. Наконец ему это удалось. Жевать было еще труднее. Лицевые мышцы слабее, а руки были без когтей и нечем было отрывать кусочки поменьше. К счастью, нервная система почти не передавала сигналы и акт самопоедания

был безболезненным. Догматик был непереборчив в еде, но жир и кожа мертвеца на вкус были не лучше навоза. Глотать большие куски было трудно, поэтому он не сразу заметил, что не один.

– Батюшки-святые! – раздался истеричный вопль.

К зеленым ящикам пришла самка, закутанная в странную одежду, даже уши замотавшая куском ткани. Или этот мир был очень безопасным, что она сама лишала себя одного из чувств восприятия, или в качестве основного сенсора она использовала не слух. Кожа на лице самки была сморщенная, а глаза огромные и выпуклые. Не сразу Тай сообразил, что это какое-то устройство или маска. От ее энергополя веяло разрухой и скорой смертью. Видимо она была старой. Старуха держала сверток с обрезками какого-то растения, что собиралась бросить в зеленый ящик и вытаращилась на Тая, отчаянно вереща.

– Наркоманы! Алкаши! Полиция! – выкрикивала старушка заклинания, хотя Тай не чувствовал движения энергии.

Догматик понятия не имел, есть ли в этом Тяжелом Мире свой аналог взвода Паду и проверять на себе не хотел. Так что решил с старухой договориться. Тем более энергия пошла и тело потихоньку оживало. Он сглотнул кусок кожи, что висел изо рта и попытался подняться на ноги. Самка проявила неожиданную прыть и побежала между строениями, вопя на ходу. Тай тяжело сел обратно, он был слишком слаб, чтобы просто передвигаться, не то что бежать.

Выдрав еще пару кусков, он принялся с остервенением их жевать. Чем быстрее он восстановит это тело, тем быстрее сбежит. Но теперь он внимательно поглядывал по сторонам. Видимо в этом мире нельзя было распоряжаться своей плотью. Нечто подобное было на Внутреннем Круге, там тоже тело не принадлежало догматику.

Постепенно в животе начал разгораться теплый пожар, Тай осторожно запустил сердце, в самом медленном режиме, пока кровь не разжижится до нормального состояния.

С другой стороны, послышался цокот, приближалось что-то копытное, но передвигающееся на двух ногах. Для гриттика цокот был слишком мелкий и дробный, разве что детеныш, должны же быть у этих тварей детеныши, подумал Тай. Он опять ошибся, это была женщина, куда моложе старухи. На ногах у нее были странные колодки, видимо ее наказывали за что-то. Хотя держалась она без покорности. Наоборот, когда увидела Тая, прибавила скорости, а в ее глазах заблестели истеричные огоньки. Догматик заблаговременно прикрыл живот одеждой, благо она была темной и проступающую кровь можно было принять за рвоту или воду. Рукавами он как мог оттирал лицо.

– Богданов! – взвизгнула она – Мать твою! Какого хера ты тут прохлаждаешься? Вчера тебя не было на участке, сегодня валандаешься! Что вылупился?

Тай ее понял. Очевидно вместе с телом ему достались некоторые знания бывшего владельца, например, язык. Жен-

щина приняла его за мертвеца, что неудивительно, теперь следовало решить, подыгрывать ей или просто уйти. Она ему не нравилась, но он ничего не знал об этом мире. Тай решил подождать.

– Хватай метлу, придурок! А то мигом без премии останешься! Ну? Я жду!

Тай медленно поднялся. С координацией было еще неважно, но он быстро осваивался. Тело было неухоженным, но очень сильным. А еще до него постепенно доходило, что происходит. Самка хотела, чтобы он сделал какую-то работу. Что же, он поможет ей, чем сможет, решил догматик.

– Да, что ты тормозишь?! – заорала самка и совершила большую ошибку, схватив Тая за рукав и дернув.

От этого в голове Тая прояснился кусок воспоминаний. Женщину звали Любовь Палаткина, ее предыдущий владелец тела побаивался, потому что она владела магией Отобрать Премию и Уволить. А еще он ее крепко недолюбливал. С трудом отбросив эмоциональные наслоения, Тай понял, что женщина мелкая шушера, вроде того же Голдузи. Вот только Чешуйчатых у нее не было и почему ее не удавил прежний хозяин, Тай так и не понял.

Тай резко схватил ее за горло и сжал. Крик удивления и возмущения застрял в шее. Догматик приблизил ее лицо к своему. Женщина выпучила глаза от ужаса, видимо, облик настоящего владельца тела проступил сквозь привычный образ. Бьющаяся вместе с телом душа соблазнительно манила.

Вот, что нужно было ему куда больше, чем мясо. Все-таки он не какой-то помоечный каннибал. Выпив ее силу, он восполнит все энергетические потери.

Что-то останавливало догматика. Усилием воли, он утихомирил голод. Если он сейчас прикончит эту самку, случится беда, в этом Тай был уверен. Но и отпускать ее просто так не следовало. Мысленно он поковырялся в зрительных нервах женщины, нащупал то, что нужно и передал картинку. Глупая самка поверила своим глазам. Перед ней возник жуткий монстр из ее кошмаров. Тай специально нашел образ ее самых страшных снов, почему-то это был обожжённый мужик в красно-зеленой одежде и со странной перчаткой. Любовь Палаткина забилась в цепкой хватке догматика и по ее ногам потекла моча.

– Если ты, – тихо, но внятно сказал он – еще раз проявишь ко мне неуважение, я тебя... – Тай порылся в ее памяти ища нужную угрозу – ... я тебе приснюсь. Ясно? А теперь проваливай, мне нужно побыть одному!

Странная тенденция, подумал Тай, глядя на убегающую Палаткину, я тут только появился, а от меня уже сбежало две женщины, надо прекращать пугать население, а то найдутся непугливые.

Живот болел все сильнее и принялся кровоточить. С этим надо было что-то делать. Догматик пошел к зеленым ящикам в поисках еды. Позади послышался смех и аплодисменты. Тай обернулся и увидел тощего старика, но от него несло

настоящей силой. Видимо это был Посадник. Ни запугать, ни тем более убить Посадника Тай даже не мечтал.

– Молодец! – усмехнулся Посадник – Я думал, ты не справишься.

– С чем? – удивился Тай.

– Мы заключили пари, когда ты приперся сюда, – охотно объяснил Посадник – я утверждал, что без памяти ты сразу же прикончишь какого-нибудь человечка. Тогда бы я вызвал взвод Паду и тебя уже бы волокли на Внутренний Круг. Но ты сдержался, так что я выполню свою часть пари и сделаю вид, что тебя не видел. Толку правда от этого не будет. Тебя все равно найдут рано или поздно.

– Как тебя зовут? – спросил Тай.

– Давэр, но местные меня предпочитают называть Авадон, – ухмыльнулся Посадник Демиурга – Ладно, мне пора, дел много.

– Постой, – окликнул его Тай – я шел в Тяжелые Миры не один...

– А, та мелкая, злобная и безногая заноза в пятке? – Давэр засмеялся – Она рядом, а как ее оттуда выковырять? Это уже твои проблемы. Хотя я бы не стал заморачиваться. До встречи Тай.

Старик исчез, а Тай принялся ворошить зеленые ящики в поисках пищи, размышляя из какого «рядом» так сложно извлечь Кубану. Да и стоит ли это делать. В конце концов Догмы тут не действовали, и он не был ей ничем обязан.

Глава 3.

Мертвый мозг хранит информацию плохо. К тому же Богданов, бывший владелец, был слишком эмоционален. Отделить факты от полыхающих чувств в его воспоминаниях было не легче, чем вырезать ядовитые железы у ящериц-корэга. Требовалось время и спокойное место. Тай шел по улицам города и на него оборачивались люди. Это было неправильным. Он должен сливаться с толпой, а не выделяться.

Он уже сжал поврежденные сосуды на животе, но все равно кровь капала на землю. Кроме того, когда Богданов умер, то упал лицом на «асфальт», который, судя из раздраженных воспоминаний мертвеца, делали из навоза. Из-за этого лицо было сильно деформировано, а после запуска сердца начало наливаться кровью и опухать.

Тай увидел огромные окна здания, под названием «магазин». Темное стекло хорошо отражало и можно было, для начала, осмотреть себя. Догматик подошел ближе. Вместо здорового, окровавленного мужика, с опухшей мордой, он увидел в отражении Кубану. Красавица уже частично восстановила ноги, хотя костлявым палкам, едва прикрытым кожей и тощими мышцами, было еще далеко до изящных конечностей, оставшихся в Отхожих Пещерах.

– Вытащи меня отсюда! – гневно потребовала она.

Тай оглянулся. Прохожие обходили его, но на беснующуюся в зеркальной витрине Кубану не обращали внимания,

скорее всего попросту не видели ее.

– Ну?! – ядовитый хвост красавицы, нервно ходил из стороны в сторону.

– Для начала, – сказал Тай холодно – ты на каком это языке меня сейчас поблагодарила?

Кубана замолчала. Действительно, если бы не Тай, она так бы и торчала в Отхожих Пещерах, пока ее не Призвали.

– Извини, Тай, – выдавила она из себя, умение извиняться не входило в перечень ее недостатков – и я тебе благодарна. Ты меня вытащишь?

– Я не совсем понял где ты и как туда попала, – признался Тай.

– Мы ударились об этот Тяжелый Мир со всего разгона, – Кубана села, видимо ноги были еще не в порядке и ей тяжело было стоять – ты отключился. Потом появился какой-то старик и зашвырнул меня в зеркало. Так что я в зазеркалье этого мира.

– И как там? – поинтересовался Тай.

– Хреново! – рявкнула Кубана – Вытащи меня!

Сзади Тая хлопнули по плечу. Только сейчас догматик сообразил, что разговаривает с собственным отражением. Так во всяком случае, видят окружающие. Он обернулся, на него хмуро смотрел воин. То, что это воин было понятно из манеры держаться и холодного спокойного взгляда. Хотя меча при нем не было, только какая-то невзрачная черная палка на поясе.

– Сержант Добронравов, предъявите документы! – потребовал он.

Догматик понял, что от него требуют исполнить какой-то ритуал и если он ошибется в его проведении, то его ждет наказание. Лихорадочно он искал ответов в памяти мертвеца Богданова.

– Извините, – память подсказала похлопать по карманам – не взял с собой.

– Так... – протянул воин и указал на экипаж с решетками на окошках – пройдемте!

– Я дворником работаю, – наконец нащупал в памяти нужное Тай – меня какие-то малолетки огрели на помойке. Сейчас домой зайду, переоденусь и в больничку. А в таком виде я вам всю машину изгваздаю.

Сержант колебался. Алкоголем от мужика не пахло. Одежда не бомжацкая, грязь свежая, видно, что роба. Смена только начиналась, а аромат от такого пассажира будет стойкий.

– Скорую вызвать? – с сомнением в голосе произнес сержант.

– Да ерунда! – отмахнулся Тай и коснулся лба – Кожу рассадили и только.

Воин развернулся и пошел к машине, даже не подозревая, насколько он близко подошел к смерти. Тай умышленно не смотрел в витрину. Он был уверен, что «полицейский» поглядывает за ним. Вместо этого он пошел дальше, стараясь

не торопиться.

Интересно, подумал Тай, Кубана могла проявиться только в определенных зеркалах или любух. Он мельком глянул в стекло стоящего неподалеку экипажа. Красавица бесновалась там и что-то кричала, но на таком расстоянии он не мог разобрать, что именно. Ей придется подождать.

Поскольку догматик шел наугад, его вели остатки памяти мертвеца. Он остановился возле одного из громоздких пятиэтажных домов, по виду не отличающимся от остальных. Именно здесь жил Богданов. В кармане обнаружили и ключи. Тай поднялся на третий этаж и открыл двери. Изнутри пахло какими-то химикатами и запахом трех человек. Один был похож на его собственный. Значит он не ошибся.

Помещение было разделено на пять комнаток. Самая маленькая «коридор» начиналась прямо за дверью. Слева была «ванная», прямо «кухня», а направо вело две двери «детская» и «зала». Скинув одежду в мусорное ведро, он пошел в ванную и, разобравшись в несложных приборах, принялся мыться под искусственным дождем. Тут же было зеркало, откуда за ним наблюдала Кубана.

– Да уж, то еще приобретеннице, – хмыкнула она – где ты откопал это тело? Неужто лучше не нашлось?

– Подарок надо принимать с благодарностью, – равнодушно ответил Тай – неизвестно, можем ли мы вообще тут находится в наших телах. Думаю, этот мир очень тяжелый и их души такие же по весу, как наши тела. Меня бы просто

притянуло обратно к Демиургу. Да и тебя тоже, не застрянь ты в зазеркалье.

– Думаешь? – спросила Кубана – А этот старик?

– Полагаю это Посадник, местные его зовут Авадон, хотя он представился Давэром.

– И с чего бы ему нам помогать? – как и все жители Отхожих Пещер, она была весьма практична.

– Не знаю, Кубана, не знаю... – Тай тщательно мылил рану на животе, хоть это причиняло жестокую боль, но уничтожать это тело заражением он не хотел.

В ящике для грязного белья он нашел пару относительно чистых простыней и, разорвав их на полосы, принялся бинтовать живот. Послышался звук открываемой входной двери. Очевидно Богданов жил не один. Надо было привести себя в порядок, перед встречей с сожителями.

– Кубана, я обещаю, – Тай говорил спокойно и уверенно – что вытащу тебя. Но сейчас мне нужно видеть, как я выгляжу. Не могла бы ты...

– Тай, только недолго, – попросила Кубана – ты даже не представляешь, что твориться в зазеркалье этого мира.

Догматик кивнул и изображение красавицы поплыло. На ее месте проступил его образ. Лысоватый, плотный мужчина, еще сильный, но уже повернувший к старости, под глазом и на виске были огромные отеки. Тай разломал «безопасную бритву» и сделал надрезы в нужных местах, стараясь, чтобы кровь не брызнула на стены и пол. Синяки почти сразу

уменьшились. Конечно, красавцем он не стал, но уже не был похож на кусок сырого мяса.

– Дима? – послышался в коридоре женский голос – Это ты?

– Да, – в воспоминаниях нашлось еще имена мертвеца, почему-то они пользовались тремя, а не одним – я в ванной.

– Тут кровь, – послышался в голосе испуг – ты поранился? Я зайду!

Дверь в ванную распахнулась и на пороге появилась худая женщина, примерно одного возраста с Богдановым. Как ни старался догматик, полностью скрыть следы он не смог, каменный пол был заляпан кровью. По отношению к этой женщине всплыло целых четыре имени: «Дина», «Богданова», «Александровна» и «Жена». Последнее, впрочем, было каким-то званием.

– Ты не пришел вчера ночевать, я испугалась что что-то случилось, – начала говорить она, потом увидела лицо Тая и окровавленную повязку на животе – Ох, Дима!

– Все нормально, – Тай решил придерживаться той версии, что озвучил полицейскому – меня малолетки ударили по голове, вот и отключился.

– Тебе надо в больницу! – Дина прижала пальцы к губам – У тебя весь живот в крови!

– Ерунда, на стекло упал и слегка поцарапался, – отмахнулся небрежно Тай.

– Знаю я твои «слегка»! – нахмурилась жена – Дай по-

смотрю!

Догматик ойкнул, едва она коснулась повязки. Не от боли, просто, чтобы отпугнуть. Выдранные куски явно не укладывались в версию «слегка оцарапался».

– Собирайся и поедem в больницу! – решительно заявила женщина.

Согласно воспоминаниям Богданова, больница была местом, где местные жрецы лечили больных и убогих. Вот там появляться не стоило. Догматик понятия не имел, насколько широки познания о теле и душе у местных врачей, его там могли опознать как пришельца и оккупанта.

– Никаких больниц! – жестко сказал Тай.

Дина молча посмотрела на него и кивнула. На секунду ей показалось, что сквозь родное, хоть и побитое лицо, промелькнуло другое. И голос, странные оттенки, даже не акцент, что-то едва уловимое. На что женщины всегда реагируют, хотя не всегда понимают, что это. Она всегда считала Диму в какой-то степени ребенком, но этот голос принадлежал сильному, властному и очень старому.

– Пусть промоют и зашьют хотя бы... – неуверенно сказала она вслед выходящему из ванной комнаты мужу.

– Хорошая идея, – согласился Тай, с вздохом облегчения усаживаясь в мягкое, сибаритское кресло – дай нитку и иголку.

Женщина поискала в шкафу, достала катушку ниток, маникюрные ножницы и несколько иголок в булавошнице. Что-

то случилось с ее мужем, и перемена ее напугала до чертиков. Мягкий, добродушный, за десятилетия, проведенные вместе, она изучила все способы управлять мужем, не заталкивая его под каблук. Тай взял инструмент и обратил внимание на недовольное лицо Дины. Оглянулся и кряхтя поднялся. Конечно, женщина не хотела, чтобы он испоганил мягкую обивку кресел и прямоугольную шкуру какого-то пестрого зверя на полу. Гладкие плитки в ванной отмыть от крови гораздо легче. Он уселся на каменное сиденье и принялся разматывать бинты обратно.

Идея зашить рану оказалась гениальной. Тяжелые тела обитателей этого мира плохо заживали, если соединить края кожи, дело пойдет быстрее. Он прижал рану так и эдак, примеряя где лучше зашивать. Потом принялся отрезать крохотными ножницами те куски, что все равно мешали. Было больно, но куда легче, чем делать это руками. Тай не заметил, что Дина подошла к открытой двери с упаковкой стерильных бинтов. Женщина увидела, как ее муж деловито обрезает лишнее и накладывает крупные стежки, как патологоанатом. При этом его лицо было спокойным и сосредоточенным, он даже не ругался. Это оказалось последней каплей, она тихо сползла по стене в обмороке.

Глава 4.

- Я сказал, нет! – Тай хмурился, хотя от этого болело лицо.
- Почему?! – выкрикнула Кубана и стукнула по зеркалу

изнутри – Кто она тебе?

– Что это, как думаешь? – спросил догматик.

Кубана уставилась на чучело уродливого животного. Серый мех на спине и белый на животе. Длинные уши безвольно повисли. Вместо глаз были какие-то камешки. Чучело было изрядно потасканным, мех кое-где свалаялся. Было совершенно непонятно, как это животное вообще могло передвигаться. Красавица пожала плечами.

– Урод какой-то, – ответила она, потом снова хлопнула по стеклу – как это связано с тем, что ты мне не даешь вселиться в тело этой самки?

– Это называется «игрушка», – терпеливо объяснял Тай – а значит у этих двоих есть детеныш.

– Да плевать мне на их детеныша!

– А мне нет, – резко ответил догматик – детеныш уже остался без одного из родителей. Если лишит его второго, он может погибнуть.

– Какой ужас, – усмехнулась Кубана – это Тяжелый Мир, онидохнут как мухи. Одним детенышем больше, одним меньше... Какая разница?

Тай устало закатил глаза. В этот момент он уже жалел, что не расколотил все зеркала в квартире и не предоставил тварям зазеркалья разобраться с хвостатой проблемой самим. Впрочем, на Внутренний Круг не попадают нетерпеливые. Догматик принялся объяснять:

– Кубана, у них мышление разделено на эмоции, инстинк-

ты и сознание. Один из важнейших инстинктов – забота о потомстве. Если мы угробим родителей в полном составе, то детеныш поднимет вой и примчатся воины-полицейские. Долго мы сможем прикидываться? К тому же неизвестно как на это отреагирует Посадник. С полицейскими мы может и справимся, а вот взвод Паду нам не по зубам.

– С кем ты разговариваешь? – застонала на ложе Дина.

– Ни с кем, – соврал Тай.

– Нет, – у нее еще кружилась голова, но она приходила в себя – я слышала женский голос.

– Отдыхай, – догматик подумывал просто развернуться и уйти, но Дина, он был уверен, предпримет все усилия для его розыска.

– Мне такой кошмарный сон... – начала рассказывать женщина, потом увидела, что муж все еще сидит голый, а живот стягивает грубая повязка.

Страх захлестнул Дину. Поворот головы, манера держаться, интонации, все было другим. Невозможно подделать человека, с которым прожил два десятка лет. Тот, кто сидел на краю кровати не был ее мужем. Она посмотрела в зеркало трюмо. Там отражался Дима, но как-то странно. Он двигался и что-то говорил. Хотя сидящий на кровати молчал и не шевелился.

– Кто ты?! – крикнула она и вжалась в стену – Где мой муж?!

– Меня зовут Тай, – догматик решил сказать правду –

Твой муж умер где-то сутки назад. Мне жаль. – последнее не было правдой, но память мертвеца подсказала нужную ритуальную фразу.

«Надо звонить в психушку, надо звонить в психушку...» Мысль колотилась в внезапно опустевшей голове Дины, как шарик в детской погремушке. При этом ничего не задевая и не выводя из ступора. Кому нужны психиатры, она еще не решила. Да и не способна была что-то решать в этот момент. Тай встал, Дина сжалась на кровати, но он даже не пытался прикоснуться к ней.

– Я тебе говорила! – язвительно сказала Кубана – Теперь она сойдет с ума и в тело нельзя будет вселиться!

– Это еще кто? – деревянным голосом спросила Дина.

Она поверила этому чужаку. Ее муж действительно мертв. Сейчас ее эмоции отключились, осталось лишь холодное равнодушие и ощущение нависшей беды и горя. Тай не хотел причинять ей страдания, но не знал щадящего способа сообщить подобные новости. Надо было дать ей якорь. Что-то, за что она сможет зацепиться и не утонуть в безумии.

– Детеньш, – сказал он негромко – помни, у тебя есть детеньш.

– Сашка, Сашенька, – Дина еще не осознавала, но в беспросветной тьме ее горя забрезжил свет.

Еще одна череда воспоминаний пришла из памяти прошлого владельца: маленький человечек с золотистыми волосами. А следом какие-то прямоугольные куски папируса,

слово «деньги» и «заначка». Богданов даже мертвый пытался позаботиться о семье. Тай пошел на кухню и достал из-за шкафа конверт. Согласно мертвопедии Богданова этих прямоугольников хватит семье на полгода. Конверт он положил на кровать рядом с застывшей Диной. Та вдруг подняла на него взгляд и спросила с отчаянной тоской и храбростью:

– Ты убил его?

– Нет, – Тай понятия не имел, что произошло на самом деле, но был уверен, что не стал причиной смерти Богданова – я занял уже пустующий дом.

– Ему там хорошо? – у женщины потекли слезы и это было хорошо, со слезами уходит горе.

– Он в раю, – соврал Тай – это прекрасное место.

Дина молчала какое-то время. Тай видел, что ее душа страдает, но отступила от грани раскола. Ее царапает действительность, но не разрывает на куски. Пришло время уходить.

– Прощай, не ищи меня и не пытайся связаться со мной.

Догматик направился к дверям. На его счастье, Дина уже достаточно пришла в себя, чтобы обратить внимание на одну существенную деталь.

– Так ты далеко не уйдешь, – сказала она.

– Что не так? – удивился Тай.

– Тебе нужна одежда, – Дина тяжело сползла с кровати и принялась рыться в шкафу – Вот, Димке она все равно уже не понадобится.

Дина зарыдала в голос и бросив одежду, скрючилась на кровати. Тай одел нижнюю часть, потом верхнюю. Были еще короткие одеяния для нижней части «труссы», но он не видел, чтобы на улице кто-то их носил. Видимо это тоже была ритуальная одежда не на каждый день. Потом он вспомнил как раздевался и сообразил повторить все в обратном порядке. Позади раздался смешок. Против ожиданий, смеялась не Кубана, а Дина. Правда в ее голосе было слишком много горечи.

– Ты точно из другого мира, – сказала она – давай помогу.

Тай, благодаря Дине, узнал, что штаны застегиваются впереди. А еще, что пиджак не заправляется в трусы. Так было намного удобнее. Догматику хотелось отблагодарить женщину, но он не знал, как. Идею она подсказала сама:

– Кто та женщина, с которой ты разговаривал? – она уже ничему не удивлялась – я слышала ее слова, но как-то невнятно.

Тай протянул руку к виску женщины. Дина отдернула голову.

– Я научу тебя видеть, если хочешь, – объяснил Тай.

Она дрожала, пока холодные, мертвые пальцы ее мужа касались ее кожи. Догматик выровнял некоторые нейронные заторы в ее мозге, чтобы она видела во всем спектре, включая духовный.

– Привет, самка! – Кубана небрежно махнула рукой из зеркала.

– Что это?

– Это моя спутница, – представил ее Тай – ее зовут Кубана...
на...

– Какой ужас! – Дина смотрела на существо, покрытое золотыми и серыми полосками, гладкая кожа блестела от жира, а на голове вместо волос росли длинные иглы как у дикообраза.

– На себя посмотри! – огрызнулась Кубана.

– Ты выглядишь так же? – ошарашенно спросила Дина.

– Нет, – едко заметила оскорбленная Кубана – из нас двоих, красавица я, а он урод!

Тай понял, что его дар может стать проклятием. В этом Тяжелом Мире, разумные были одного вида, а теперь Дина будет видеть то, что им недоступно. Возможно на блокировку этих способностей у людей, были свои причины. Вот только вернуть все как было он уже не мог. Догматик пожал плечами, каждый из них в любом случае однажды столкнется с реальностью. Просто у Дины это произошло при жизни.

– Ты знал, – задумчиво сказала Дина – где у Димки заначка. Может быть мой муж....

– Извини, Дина – мягко ответил Тай – это лишь следы на песке и их смоеет прилив. Твой муж умер и его не вернешь.

– Уходи! – женщина села на кровать – Уходите оба.

– Прощай, – тихо сказал Тай и вышел за двери.

Выходя из подъезда, он надел темные очки, которые нашел в комнате. Теперь Кубана могла отражаться рядом с

ним, и они могли тихонько разговаривать. Конечно, его примут за скорбным умом, но если избегать людных мест и не привлекать внимания, то можно было проскочить.

– Зря ты не дал мне занять ее тело, – Кубана испытывала раздражение к Дине из-за ее реакции на внешность – она все равно слетит с катушек и оставит детеныша одного.

– Утихомирься! – буркнул Тай – Мы сейчас пойдем в место, где они умирают, там быстренько подберем тебе незанятое тело.

– И что это за место? – подозрительно спросила красавица.

– Больница, – Тай был доволен, что отыскал наконец в обрывках воспоминаний Богданова что-то стоящее – они добровольно собираются там для смерти. Уверен, ты найдешь там себе красивое тело.

Идти пришлось долго. Люди передвигались на экипажах, но Тай опасался нарушить еще какой-нибудь обряд и предпочел идти пешком. Наконец он увидел вывеску, которая согласно мертвопедии Богданова, была больницей «Психоневрологический диспансер, Вологодской областной психиатрической больницы». Двухэтажное здание сочилось страданием в ментальном диапазоне. Да и воспоминания Богданова об этом месте были наполнены страхом и брезгливостью. Но Тай был уверен, что тут они найдут искомое.

Иерархия в медицинских коллективах не всегда такая очевидная, как полагают обыватели. Главврача может затолкать под каблук бухгалтер, а талантливый хирург иногда плюет на авторитет начальства. Санитары в морге вообще ведут себя как неприкасаемые. Потому что найти желающих каждый день смотреть на закономерный итог жизни, не так просто. Ну и, конечно, технички и санитарки. Отдельная каста. С одной стороны, самая низшая квалификация, с другой им вообще нечего терять.

Холеные тетki из бухгалтерии и даже врачи высшей квалификации, предпочитали жаться к стеночке, лишь бы не пройти по «токо-намытому». Всегда оставался реальный шанс схлопотать за это грязной тряпкой.

Большинство санитарок были искренними и добрыми людьми. Они действительно сочувствовали пациентам. Не забыли о сострадании. Да, иногда ворчали, но доброе слово, сказанное в нужный момент пациенту, иногда помогало лучше лекарств. Как всегда, уродливые черты самые выпуклые и заметные. Поэтому злобная техничка с ведром и тряпкой, стала штампом. Именно такими их и воспринимали окружающие.

Тихоновна очень старалась поддерживать этот образ. Она работала в больнице дольше всех. И даже старожилы не представляли себе больницу без ее сгорбленной фигуры и гнусавого, бубнящего, монотонного монолога.

Ее не звали на церемонии поздравления с днем рождения

других сотрудников. Собрания она посещала крайне редко и то пристраивалась где-нибудь в дальнем уголке и злобно что-то шипела оттуда. Новые сотрудники иногда пытались начать общаться с бабушкой, но напарывались на ядовитый характер и быстро теряли интерес к санитарке. Даже бухгалтерия, славящаяся своей бесцеремонностью, выдавала зарплату Тихоновне молча и без едких комментариев.

Если бы кто-то полез в личное дело Тихоновны, то на первый взгляд не нашел ничего необычного. Возраст шестьдесят два года, рабочий стаж сорок пять лет... Вот только глянув в эти документы на следующий год, любопытный бы увидел, что ей все так же шестьдесят два года. Иногда в больницу заходили бывшие сотрудники, уже давно вышедшие на пенсию. Им голову приходило, что бабуся, уже бывшая старрой, когда они юными сотрудниками пришли в эти стены, давно должна была умереть. Но никто не поднял этого вопроса. Кому охота на старости лет оказаться пациентом дурдома?

К тому же Тихоновна вызывала у всех окружающих подсознательный ужас. Хотя что могло быть страшного в согнутой ревматизмом бабке, никто объяснить не мог. На самом деле санитаркой Тихоновна работала уже сто двадцать пять лет. С того момента как была основана психиатрическая лечебница в поселке Кувшиново.

Три раза люди начинали обращать внимание на ее долголетие. И каждый раз все заканчивалось плачевно для лю-

бопытных. Тихоновна лишь на миг показывала свой истинный облик, и правдолюбец тотчас оказывался пациентом. Посадник требовал от нее время от времени менять облик, но она плевать хотела на его требования. В конце концов Давэр сдался и устроил ей перевод в центр города, где всем было плевать, а окрестные жители обходили диспансер десятой дорогой.

Сегодня Тихоновна была злобна больше обычного. Внутри звенело недовольство молодых. Тридцатый и почти насквозь проржавевший седьмой, сдерживали пока внутренний бунт, но надолго ее самоконтроля не хватит. Слишком долго длилась размеренная, спокойная жизнь. Тихоновна приходила на смену, возила тряпкой по этажам и лестницам, шла домой в пустую нежилую квартиру. Там, приняв истинный облик, взвод Паду становился в охранный порядок, чутко слушая окрестности. Годами единственным пришельцем с Колец был Посадник. Молодые жаждали крови. Впрочем, старые ее тоже жаждали, но они понимали цену. Ржавчина на них уже проявилась.

Двадцать три года назад в квартиру вломился грабитель. Тридцатый и седьмой тогда не смогли сдержать молодых. Бандита взвод Паду кромсал долго и жестоко. Чтобы не визжал, они первым делом выдрали ему голосовые связки. Месяц Тихоновна «болела». Ссохшийся труп валялся в пустой квартире по сей день. Посадник поругался для виду, но он знал насколько взвод Паду мечтает измазать себя кровью.

Напитаться теплой, полной боли и железа, крови. Она была пищей, героином и способом самоубийства для взвода Паду. Только кровь могла повредить металлические тела Паду. Ни вода, ни кислота, не оставят следов на острых шипах. А вот кровь и боль приносили радость, ржавчину и разрушение.

Тихоновна сжала швабру так, что полированное дерево треснуло. Что-то заставило их вспомнить кровь. От этого взвод Паду дурел, тридцатый и ослабевший седьмой уже не могли сдерживать молодых. С тоской они вспоминали Францию семнадцатого века. Там в Домах Скорби никто сумасшедших не пересчитывал толком. Всегда можно было распотрошить одного-двух. А эти за каждого переживают, учитьвают, лечат, злобно подумала Тихоновна.

Она зашла в подсобку и заперла за собой дверь. Почти не надеясь она выпустила четвертого из уха. Длинная, похожая на черную колючую проволоку, ветвь, потянулась под потолок. На четвертом почти не было ржавчины, потому он был самый чувствительный. Услышать что-то в шумном центре города было трудно. Особенно среди ментальных полей, переполненных мыслями и чувствами людей.

Скорая помощь неслась к больнице. Вой, перекрывающий всех и вся, раздавался не от пострадавших, а от матери одного из них. Возможно, внешне женщина была спокойна, но внутри взрывалась болью и страхом. Тихоновна выпустила из общего клубка тридцатого и седьмого. От приближающейся машины густо и смачно пахло кровью. Молодой и пе-

реполненной страданием. Если бы у взвода Паду были слюнные железы, под санитаркой уже появилась лужа. Тридцатый и седьмой поняли, что не смогут удержать молодых. А значит их личный срок подходит к концу. Тридцатый может и переживет этот эпизод, но для седьмого приближалась последняя трапеза. Слишком уж его изъела ржавчина.

Хрупкая, осыпающаяся рыжей пылью ветвь осторожно втянулась внутрь клубка. Четвертый тоже не стал ждать и только тридцатый водил телом из стороны в сторону. Он чувствовал еще кого-то, но дурмнящий голод и нетерпение остальных не давали сосредоточиться. Четырнадцатый и двадцатый, что формировали руку бабки, уже схватились за край двери подсобки. Тридцатому ничего не оставалось, кроме как юркнуть обратно. Не хватало еще, чтобы тихую бабушку увидели с торчащей из затылка шестиметровой ржавой колючей проволокой. Такого зрелища обычно хватало, чтобы прописаться в Доме Скорби на долгие годы.

Тихоновна поковыляла в приемное отделение, куда обычно приволакивали со скорой. Грушевская, ординатор, ругалась с фельдшером из скорой:

– Мать вашу! – эта интеллигентная женщина крайне редко позволяла себе выражаться, но сейчас ее достали – Везите их в Травму! Мы что, специалисты по собиранию «прыгунков»?

– На Советском девяносто восемь, полна коробочка! – нервно отвечал фельдшер, имея ввиду первую городскую больницу, травматологическое отделение – После майских в

коридорах лежат! А до областной не довезем, на мосту пробка!

– И вы не придумали ничего лучшего, – рывкнула Грушевская – как приволочь их к нам?

Как и в любой больнице, в диспансере был травматологический пункт, тем более, что алкаши, наркоманы и психи активно калечили себя и других пациентов. Вот только самоубийц с множественными переломами от прыжков с высоты, их называли «прыгунками», сначала собирали в травматологии и лишь потом их переводили в псих-диспансер.

Тихоновна должна была задуматься, почему целая куча мелких обстоятельств сложилась так, что пациентов приволокли в психушку. Только сейчас взвод Паду уже не мог мыслить здраво. Из открытой скорой доносился стон и причитания женщины.

Грушевская махнула рукой. Если она откажется принимать пострадавших, то ей покажут такое небо в алмазах, что дело может дойти до суда. Санитары подхватили каталку и резво помчались к машине, выгружать пациентов. Никто не обратил внимания на стоящую в уголке и странно подрагивающую санитарку. Как, впрочем, на худенького благообразного старичка, зашедшего с улицы. Только по ушам резанул писк. Такой иногда слышно от старинных ламповых телевизоров. Пришельцы с Колец предпочитали общаться в ультразвуке, чтобы не посвящать людей в свои переговоры.

– Отступи! – приказал Посадник.

На мгновение левая часть головы старушки превратилась в мешанину шевелящейся колючей проволоки. Одуревший от близкой пищи и голода взвод Паду терял контроль над телом. Еще чуть-чуть и в приемной появится пришелец из другого мира во всей красе. От находящихся внутри людей останется только мелкий фарш. Жители Тяжелых Миров почти не умели восстанавливаться, и подобная встреча для них оканчивалась только смертью. Посадник знал, что это его вина. Нельзя было так долго держать кровожадную колонию на голодном пайке.

– Мы хотим есть! – многоголосо заявили все тридцать две ветви взвода Паду.

– Я уже организовал вам трапезу, но не здесь, – покачал головой Давэр.

– Мы хотим есть сейчас!

Взводы формировали из двух-трех опытных ветвей и трех десятков молодых. Старые пережили распад колонии и знали насколько это мучительно. Обычно их хватало, чтобы контролировать молодых и неопытных. Но сейчас живая машина для убийства потеряла управление. Проверять на себе, сможет ли взвод Паду прикончить Посадника, Давэр не хотел. Но пойти на попятную он тоже не мог. Слишком много он приложил усилий, чтобы отступить сейчас.

– Если вы не отступите, – злобно ухмыльнулся Авадон – я отправлю вас на Внутренний Круг. Думаю, там вы поймете новые значения слова «голод».

Тихоновна колебалась. В приемный покой закатывали каталки с двумя изувеченными людьми. Молодые парень и девушка. Обезболивающее уже действовало, поэтому они только стонали, а не вопили, глядя на торчащие из собственных тел кости. Следом зашла молчаливая бледная женщина, с заплаканными глазами. Именно она выла в ментальном диапазоне. Седьмой прилагал отчаянные усилия и вдвоем с тридцатым они смогли кое-как утихомирить остальных.

– Девять километров на север, – Посадник мысленно сбросил карту взводу – за аэропортом, не доходя до Семеново-2. Они будут на поляне.

Тихоновна посмотрела на Посадника. Тот точно не врал. Она выскочила из больницы зацепив какого-то мужика возле ворот. От мужика шло странное ментальное свечение, как будто он был мертв и жив одновременно. Да и еще кто-то был рядом, хотя взвод никого не увидел. Если бы не голод, то колонию очень заинтересовал подобный посетитель. Сейчас это было неважно. Старушка неслась на олимпийский рекорд по спринту и лишь чиркнула локтем мужика. На газон брызнула кровь, но на это взвод Паду тоже не обратил внимания.

Забежав в тихий закоулок, Тихоновна исчезла, а появился огромный метров пять в диаметре клубок колючей проволоки. Упруго подпрыгнув этот кошмарный «мячик» взлетел на дом и оттуда принялся прыгать от крыши к крыше. Скорость при этом была впечатляющая. Через четверть часа

колония уже скакала между деревьями, приближаясь к указанной Посадником точки в лесу.

Два уголовника сбежали из зоны, потому что въедливый следак начал расследовать их старые делишки и им грозило пожизненное. Они брели по лесу, обсуждая как они зарежут излишне любопытного стража правопорядка. Впрочем, они врали себе и друг другу. Единственное что их заботило – это сохранить шкуру. Поэтому они мечтали затеряться в стране, лишь бы не отвечать за содеянное. И уж тем более они боялись приближаться к сильному мужчине. Грабить и убивать они могли только слабых и беззащитных.

В какой-то степени их мечты сбылись. Их так и не нашли. Взвод Паду лениво спланировал на полянку, где расположились бандиты для отдыха. Тонкие ветви, покрытые длинными острыми колючками, очень походили на колючую проволоку, тем более что тоже были из металла. Отдаленность от населенных пунктов позволила колонии насладиться полностью процессом убийства. А иссохшие изувеченные тела потом растащили на куски лесные звери.

Вряд ли кто-то бы в это поверил, но на железнодорожную станцию, Тихоновна выбиралась с улыбкой на лице. Правда уже в вагоне принялась ворчать, чтобы не выбиваться из образа.

Глава 6.

Тай лихорадочно думал, как ему пробраться в операци-

онную, где сейчас выволакивали с того света парочку. С запоздалым страхом, он понял, что мимо него на полном ходу пронесся взвод Паду. Что заставило стража покинуть пост, он не знал. Но хотел убраться отсюда до того, как взвод вернется. Если бы не ругающаяся в истерике Кубана, он попросту сбежал.

К тому же рядом беззвучно для человеческого уха вопила женщина и комкала в руках мокрый кусок ткани, которым размазывала остатки раскраски по лицу. В конце концов ему это надоело. Он повернулся к женщине и спросил:

– Ну и чего ты шум разводишь? От мыслей отвлекаешь?

– Простите, что? – ошарашенно шмыгнула носом женщина.

Догматик поморщился, он не учел, что люди не способны слышать чужие эмоции. Только у самых близких людей, да и то не всегда. Разумеется, она посчитала его пациентом и отодвинулась испуганно глядя на него.

– Тай! Тай! – приглушенно позвала Кубана.

Он спрятал очки в карман, чтобы не слушать ее ругань. Видимо, в зазеркалье дела обстояли совсем плохо. На беззащитную овечку жительница Отхожих Пещер не тянула. Если она умоляла о помощи, значит столкнулась с чем-то, что может ее угробить.

– Чего тебе? – прошипел Тай и заработал еще один опасливый взгляд женщины рядом, она подумала и пересела на другую лавку.

– Это мать самца, – затараторила Кубана – того в операционную поволокли. Она может тебя провести!

Красавица говорила дело. Насколько Тай мог судить из поведения местных знахарей, к женским истерикам тут относились с почтением. Стоило ей зарыдать, как ее усадили, предложили воды и лживо посочувствовали. На изувеченного Тая никто не обратил ни малейшего внимания. Скорее всего приняли за «алкоголика», так в этом мире называли тех, кто употребляет ядовитые зелья, дарящие наслаждение. Были еще «наркоманы», но для наркомана тело догматика было слишком толстым.

Подслушать женщину было не трудно. Куда сложнее было из ее ментального воя выудить что-то полезное. Но Тай уже наловчился этому с Богдановым. Вообще окружающие больше думали эмоциями, чем понятиями. Это было странно, но в данном случае хорошо. Без Догмы Чести, он мог спокойно врать, чем и занялся:

– Терешкина, – позвал он женщину, та сначала не отреагировала, слишком глубоко ушла в эмоции, потом вздрогнула и обернулась.

– Людмила Терешкина, – хотя Тай не спрашивал, она все равно кивнула.

– Максу худо! – тихо сказал Тай – Совсем худо!

Догматик умышленно говорил шепотом, он не пытался скрыть разговор от медсестры за стойкой. Ей было наплевать на разговоры пациентов и родных, если они не касались ее

самой и ей не приходилось поднимать лишний раз свой тучный зад от стула. Тихий голос заставлял человека прислушаться и успокоиться. А также создавал иллюзию участия. Людмила осмотрела комнату. В углу висела камера наблюдения, почему-то ее это успокоило, и она подседа к странному мужику.

– Вы что-то знаете? – всхлипнула она – Мне никто ничего не говорит!

– Дело дрянь, – холодно ответил Тай, а потом пригасил зарождающуюся в ее глазах панику – но я могу помочь.

В нормальной ситуации Людмила Терешкина посылала всех «помощников» в пеший эротический тур. Начиная от представителей экзотических сект, до местного попа, что приглашал ее на «частную исповедь» и при этом ошупывал ее взглядом как голодный кот колбасу. Только сейчас ее Макс и эта дура Нинка, лежали двумя кусками мяса на операционном столе. Критическое мышление взяло перекур и уступило дорогу слепой надежде.

– Тебе нужны деньги? – булькнул напоследок в ее разуме цинизм и утонул в эмоциях.

– Нет, мне не нужно твое золото, – ответил Тай – мне нужно попасть в операционную пока они еще живы. И время не на нашей стороне.

Терешкина замолчала. Надежда и отчаяние рвали ее сердце на куски. Она понятия не имела, кто этот мужик. Может быть он просто псих с хорошим слухом, он ведь диктовала

данные на обоих. Тай порылся в ее памяти и нашел чем подкрепить ее веру:

– Макс уже не первый раз в реанимации, – спокойно и уверенно сказал он – еще совсем малышом, он порезал стеклом ногу и ему укололи новокаин, а у него аллергия. Ну и сиганул он из-за дуры Нинки и «Синих Китов».

Тай не знал, что такое «аллергия» или «Синий Кит». От горя Людмила Терешкина сняла все барьеры, и он напрямую читал ее память.

– Вы святой? – вообще-то Терешкина решила, что перед ней колдун, но была не уверена, так что подстраховалась.

– У нас мало времени, – не стал вдаваться в подробности догматик.

И тут он не врал, судя по ментальным всплескам из операционной ни у одного из них не было шансов. Если конечно знахари не начнут их лечить в том виде, в каком понимал лечение Тай. Видимо в этом Тяжелом Мире просто не умели такого. Парочка была обречена. Людмила подошла к стойке регистрации и потребовала:

– Позовите врача!

– Врачи сейчас заняты, – буркнула медсестра, не желая отрываться от чтения гламурного журнала.

– Немедленно! – выкрикнула Людмила Терешкина и хлопнула ладошкой по стойке.

Медсестра нажала кнопку под столом. Она работала в диспансере пять лет и ни разу у нее не было проблем с пациен-

тами и посетителями именно потому, что она вовремя вызывала санитаров. Парочка крупногабаритных мужиков в светло-зеленых штанах и рубашках, появились через несколько секунд. Видимо буйные посетители тут были так же часто, как и буйные пациенты. Людмила Терешкина увидела, как в распахнутые двери прошел ее странный собеседник и тут же успокоилась. Санитары не стали ей колоть снотворное, ограничившись таблеткой валерьянки. Один остался с ней, пытался утешить и ободрить. Люда отвечала невпопад и рассеяно. Ее мучило ожидание, и она понятия не имела, что происходит за дверями.

За дверями Тая перехватил за рукав, невесть как здесь оказавшийся старичок. Причем на него вообще никто не обращал внимания. Догматик ухмыльнулся.

– Ну, конечно, – едко сказал он – удача оказалась именной. Привет Давэр. Какими судьбами? Или скажешь, что мне случайно повезло?

– Ты за каким хреном, – раздраженно спросил Посадник – тетке этой по ушам ездил?

– Надо было попасть сюда, – пожал плечами догматик – я и попал. В чем проблема?

– А глаза отвести людям не пробовал?

– И оставить следы своего пребывания, чтобы взводу Паду было легче меня найти?

Посадник крикнул от досады. Про это он не подумал.

– Ладно, и так кучу времени потеряли, – пробурчал он и

потачил Тая к операционной – ты уже придумал как закрепить Кубану в человеческом теле?

Этот вопрос не давал догматику покоя с самого начала. Вытащить девицу из зазеркалья было несложно, главное самому не угодить в ловушку. Но как закрепить ее легкое тело, которое легче душ людей, оставалось проблемой. С надеждой он посмотрел на Посадника. Тот мотнул седой головой:

– Ну уж нет! Тебя я приколотил крепко к этому телу, но второй такой выброс энергии привлечет внимание ко мне. Я и так рискую, помогая вам. А угодить из-за парочки беглецов в Дыхательные рудники? Нахрен мне это?

Они остановились под операционной. Оттуда доносились отрывистые команды хирурга, звон бросаемых в лотки использованных инструментов и хруст вправляемых костей. Тай лихорадочно думал. Выход был и даже не один. Он мог бросить Кубану в зазеркалье, вряд ли там так же погано как в Отхожих Пещерах. Но что-то удерживало его. Воспоминание. Ее глаза, перед тем как он рубанул топором, полные ужаса и надежды, что он ее не оставит.

Посадник молчал. Он точно знал, что время еще есть. Тихоновна едва приступила к трапезе, и обратно липовая санитарка будет возвращаться не скоро. Давэр ждал пока Тай примет нужное ему решение. Он долго готовился, и отнюдь не любой беглец с Колец подходил для его плана. Пока догматик показывал себя неглупым и вменяемым, если он пройдет это испытание, можно будет его привлекать к настоящей-

му делу. Если же он окажется тупым, как тот балбес, что свалился в пустыне Навахо и принялся корчить из себя Великого Духа, то никогда не поздно позвать взвод Паду.

– Догма Души, – наконец заявил Тай – вот где ответ!

– Ты собираешься потрошить души людей? – насмешливо спросил Давэр – Не забыл, что я Посадник Демиурга. Все души должны либо осесть на этом Тяжелом Мире, либо пойти на Кольца.

– Нет, – раздраженно махнул рукой Тай – я о другом! Если засунуть душу обратно, то выделится энергия и много! Я прав?

– Технически говоря, – Посадник был доволен, но тщательно скрывал это, напустив на себя неуверенный и недовольный вид – это не нарушение правил. Но есть нюанс.

– Какой? – хмуро спросил Тай, он чувствовал, что Посадник играет с ним в какую-то игру, но не понимал правил и это было плохо.

– Душа должна быть оседающая и никак иначе!

– Иначе Демиург не получит то, что хочет? – криво усмехнулся Тай.

– Именно так, – улыбаясь ответил Давэр.

– И как мне это узнать?

– Твои проблемы, догматик, – пожал плечами Посадник – но у тебя будет одна десятитысячная удара сердца, чтобы увидеть разницу.

– Тебе весело? – хмуро спросил Тай.

– Еще как! – хохотнул старик и прислушался к операционной – Время пришло, так и будешь стоять тут, разинув рот?

– Кубана, – обратился к призрачному отражению в стекле стенда Тай – если тебе повезет, то первой умрет девица. А если нет, то привыкай к мужским причиндалам. Другого шанса у нас не будет.

Кубана, против своего обыкновения, промолчала, только кивнула. Как действительно умная девушка, она точно знала, когда следует заткнуться и запихнуть характер в нижние отверстия. Она только нервно поглядывала через плечо. Что-то нагоняло ее в зазеркалье, и красавица очень торопилась убраться из потустороннего мира.

Догматик выдохнул, потом еще раз, постаравшись максимумно выдавить воздух из легких. Мимолетной мыслью промелькнуло, что брюхо опять придется зашивать. Потом он вошел в операционную. Никто не способен останавливать время, но можно было ускориться самому. Тай выбрал момент идеально.

Сердца парочки остановились уже несколько минут назад. Смерть догоняла свои жертвы. Догматик разогнался настолько, что все его пребывание в операционной заняло один стук сердца. Первой, на счастье Кубаны, умерла Нина.

Неуклюже ворочаясь душа вылезла из тела. Время для мертвецов идет совсем не так, как для живых. Она успела осмотреться и даже осознать, что мертва. Постепенно познания об истинном устройстве загробного мира, проявились в

ее сознании. Она попыталась вцепиться в тело, осознавая, что сейчас произойдет.

Ее душа была слишком тяжелой для того, чтобы подняться к Кольцам. Нина заорала от ужаса, когда увидела, что кончики пальцев на ногах и руках, начинают рассыпаться в прах. Тяжелая душа возвращалась в Тяжелую землю, чтобы прорасти другой личностью. Она все вопила и пыталась влезть обратно в тело, которое ее уже не пускало, пока не рассыпалась облачком. Конец своего существования она встретила в ужасе и страдании.

Тай внимательно наблюдал за этим, стараясь не упустить ни малейшей детали. Отнюдь не потому, что ему понравилось зрелище. Догматику предстояло определить самое начало распада души Макса, чтобы успеть его предотвратить.

Кубана отразилась в стеклянном шкафу, потом перепрыгнула плитку пола, оттуда на стеклянный плафон операционного светильника. Тай сунул руку в отражение и схватил девушку за иглы на голове. Его начало засасывать в зазеркалье, но догматик был готов и уперся второй рукой в край стола. Усилие понадобилось настолько мощное, что начали рваться связки тела. И все же им удалось.

Девушка змеей ввинтилась в еще теплое тело. Но ее все время поднимало вверх. Демиург хотел получить свое обратно. Тай придавил ее ладонью, как будто пытался утопить ее в теле. Это помогло лишь временно.

Макс выскочил из тела бодро и это было плохо. Тай коле-

бался, если душа уходит на Кольца, то придется ее отпустить. Парень огляделся. Вместо возлюбленной, с которой он собирался в прекрасные миры, он увидел два окровавленных тела, безразличных ко всему, усталых хирургов, застывших во времени и какого-то мужика, что пихал в тело его любимой кошмарную тварь.

Он хотел было возмутиться таким бардаком в загробном мире, но в этот момент знания о посмертии проявились в его разуме: нет никакого рая, нет никакого ада. Есть Кольца вокруг Демиурга и Тяжелые Миры. Демиург не призывал его, он был слишком тяжелым для него. Его судьба стать ментальным удобрением этого мира, чтобы на нем росли другие души. Отчаяние, что все его существование свелось к простой цели стать навозом для цветов, захлестнуло парня и он закричал. Как кричала его Нина. Как кричат умирая, почти все мертвецы.

Ужас перед небытием затмил окружающий мир. Макс не видел, как догматик подскочил к нему и изо всех сил швырнул его обратно в тело. Сил Тая хватило на то, чтобы заставить плоть снова принять душу. Это было сродни атомному взрыву в ментальном поле. Завыли собаки в окрестных домах. Еще секунду назад спокойные, пациенты забились в припадках во всех палатах. Кубана впитывала тяжелую энергию и спаивала себя с распотрошенным телом на столе.

Тая оглушило, он сделал несколько шагов и вывалился из операционной. Посадник довольно хмыкнул и оттащил его в

сторонку, чтобы не привлекать внимания врачей. Впрочем, хирургической бригаде было не до происходящего снаружи. Сначала им резанул по ушам хлопок от перепада давления. Догматик двигался слишком быстро и это принесло свои последствия. А когда они чуть пришли в себя, то обнаружили, что оба пациента живы. Да еще и травмы зарастают буквально на глазах.

Такое событие не должно было остаться незамеченным. Воскрешение двух человек, перепады давления в одном помещении, одномоментное обострение у шестидесяти семи пациентов... Но люди очень инертны. Зачем отчитываться о непонятном, если можно сделать вид, что ничего не произошло. В журнале сделали запись, что скорая ошиблась с диагнозом и на самом деле у пострадавших были легкие ушибы и ссадины. Хлопок объяснили взорвавшимся в подвале баллоном, а буйство списали вовсе на случайность.

Пусть пишут сенсации журналисты, а вологодским врачам надо работать. Так решили все и попросту выписали двух неудобных пациентов через два часа. Тихоновна появилась только вечером, ходила по коридорам, чувствовала следы выброса, но понять ничего не могла. Потом пожалела плечами и пошла домой. Там взвод Паду встал в охранном порядке, чутко улавливая пришельцев. К счастью для Тая и Кубаны, тридцатый и седьмой не пережили трапезу, рассыпавшись ржавой пылью на заброшенной полянке. А молодые ветви были слишком неопытны, чтобы связать все события в еди-

ную цепь.

И лишь когда тьма окутала операционную, а ночной дежурный бдительно захрапел в приемном покое, из светильника, откуда Тай вытащил Кубану, вывалилось нечто. Слизкое и тяжелое, оно шлепнулось на пол и, оставляя влажный след, поползло в угол, под шкаф.

Глава 7.

Люда суетилась, она так и не определилась, как обращаться с Таем. С одной стороны, от гостя уже изрядно пованивало. Догматик жил в заброшенном, предназначенном под снос деревянном двухэтажном бараке. Впрочем, ему было все равно, где будет лежать тело в течении четырех-пяти часов. Во сне он не нуждался вовсе, телу же требовался отдых, иначе начинала кружиться голова и портиться зрение.

Он выяснил, что люди постоянно совершают омовения и соскабливают лезвиями растительность с разных частей тела. Женщин он понять мог, волосы в промежности его тоже раздражали. Зачем снимать роскошную и мужественную шерсть с лица, он так и не уяснил. Даже для таких манипуляций заплесневевшая комната в покосившемся бараке не подходила. Он сходил на реку, но она еще была скована льдом. К тому же там была очень грязная вода, а рана на животе и так плохо заживала.

Догматик уже разбирался немного в том, что можно есть из помойки, а что не стоит. Сначала он сжевал кусок хле-

ба, покрытого каким-то грибок, из-за чего его сутки рвало желчью. Теперь он нюхал еду и если мертвопедия Богданова вопила слишком громко, что это отрава, то откладывал, а если просто вызывала брезгливость, то это съедобно. Рыбьи головы, очистки овощей и огрызки фруктов поддерживали тело и прибавляли амбре.

Человек в естественных условиях жизни, довольно быстро приобретает устойчивый запах, который Людмилу угнетал. Если бы женщина хоть раз пообщалась с настоящим, а не нарисованным пустынноиком или отшельником, то вопрос отпал сам собой. Она же судила о святых, к которым причисляла и Тая, исключительно по красивым иконам и телепостановкам.

Люда не морщилась, ведь она сама пригласила догматика к себе. И для того, чтобы его найти, ей пришлось изрядно побегать. Тай не скрывался, но старался не привлекать внимания.

– Ванная там, – не выдержала Людмила и показала на дверь.

Догматик молча кивнул и принялся раздеваться прямо в коридоре. Люда ойкнула и отвернулась. Тай понял, что опять нарушил какое-то табу. Разобраться в них было сложно. Почти вся жизнь Богданова состояла из каких-то страхов и ограничений. Понять, почему перед одними женщинами раздеваться можно, а перед другими нельзя, Тай не мог. Сбросив одежду, он пошел в ванную и принялся тщательно

дезинфицировать тело. Из швов на животе наконец перестал сочиться желтоватый гной, а сами рубцы стали бледнеть.

Стоя под струями, он размышлял, чего же от него хочет Люда. Ответ был очевиден – дело в Максе. Вряд ли женщина пригласила его, чтобы дать возможность помыться. Посадник предупредил их еще в больнице, чтобы не высовывались. Взвод Паду и так чуял неладное, ни к чему дразнить стража. Через несколько недель, пообещал старик, он свяжется с парочкой. А пока им следовало затихнуть и максимально слиться с обществом.

Люда приоткрыла дверь в ванную и протянула ему простынь. При этом она демонстративно отворачивалась, хотя улучила момент, чтобы посмотреть на интересующие ее места.

– Вот, – сказала она – завернись. Твою одежду я в машинку засунула.

Догматик набросил простыню, прикрывая половые органы и зад. Почему-то на Земле считалось постыдным показать их малознакомому человеку. Из мертвопедии Богданова поступал странные и противоречивые сведения об этом. При этом все люди были просто повернуты на почве секса. В голове Богданова хранилось несколько тысяч коротких рассказов, они назывались «анекдоты», про секс. Их рассказывали, когда собирались ритуально поесть и выпить разбавленный этанол. Некоторые можно было произносить при женщинах, а некоторые считались «неприличными». Тай честно пытал-

сы разобраться в обычаях землян, но это было сродни попытке прочесть библиотеку свитков, которые скатали в тугой шар. Обрывки он видел, а общий смысл прятался внутри.

О том, что пришел в гости, догматик не пожалел. На кухне его ждало много еды. Людмила не знала, можно ли святому есть скоромное и, на всякий случай, уже распланировала куда уберет мясные блюда, если гость проявит возмущение. После помойки гость возмущение выказывать не стал, хотя ел скромно по общепринятым меркам. Женщине было невдомек, что Тай отъедался от души. Просто у него объедание практически совпадало с требуемым количеством калорий. Тело Богданова уже похудело, но до жилистого Тая ему было далеко. В конце хозяйка налила две чашки с горячим наркотическим напитком, впрочем, довольно безвредным в разумных дозах, и села напротив догматика.

– Я так бесконечно благодарна тебе, – искренне сказала она – если бы не ты, Макс бы умер. Вообще не представляю, как мне жить без него.

Тай ничего не отвечал. Только холодно смотрел на то краснеющую, то бледнеющую женщину. Она не врала, сын был для нее смыслом жизни. С ужасом она ждала того момента, когда повзрослевший птенец упорхнет из гнезда. Настоящие птицы, более здравомыслящие в своем эгоизме, в определенное время сами выпихивают детенышей из родительской колыбели. Но после того случая Люда узнала куда больший страх. Макс мог не просто отдалиться, он мог пре-

вратиться в ничто. В земляной холмик. В холодный памятник. В безмолвие.

Это она их увидела. Два трепыхающихся на грязной клумбе тела, надсадно кричащих от боли. Мальчик и девочка, наслушавшиеся бреда об тягости бытия. Люда бегала вокруг, ждала скорую, двенадцать минут запредельной паники. Вой сирены и прыгающая на «лежачих полицейских» скорая, где она отчетливо поняла, что дети не выживут. По короткому вздоху водителя, по слишком спокойному взгляду фельдшера. Медики их уже приговорили. Может быть их даже расстроит факт гибели двух малолеток. Но Людмила ощутила пустоту, невероятную, бескрайнюю и ледяную пустошь вокруг себя, где совершенно безразлично, куда ты пойдешь, мир все равно останется пустым и холодным.

А потом пришел этот бомжеватый мужик и вернул в ее мир свет и тепло. Взамен он не попросил ничего. Это было странно, неудобно и стыдно. Если бы он призвал ее бить поклоны какому-то божеству, да хоть целовать черного козла под хвост. Или, куда обыденнее, просто выклянчил денег. Хотя бы намекнул на это. Нет. Тай воскресил ее сына и ушел. Даже сейчас смотрел на нее с холодным интересом и только. Людмила невольно поежилась. Взгляд вовсе не подходил слегка обрюзгшему здоровяку. Такие смотрят нахально, норовят сказать вслед корявый матерный комплимент или тихо и счастливо живут под каблуком одной единственной. Такое впечатление, что это лишь маска, за которой скрыт кто-

то старый, даже древний. Женщина смутилась окончательно и замолчала, не в силах выразить своих чувств.

– Уверен, – наконец сказал Тай – ты пригласила меня не для того, чтобы выразить благодарность.

– Нет, я действительно очень благодарна тебе! – воскликнула Люда и густо покраснела, потому что догматик сказал правду, ей нужна была его помощь.

– Что-то с Максом? – Таю надоели ее эмоциональные выбросы, от которых уже рябило в глазах.

– Он... – Людмила запнулась, силясь подобрать слова – он тихий. Приходит с учебы, делает задания, потом ложится на кровать и молча смотрит в потолок.

Людмила зарыдала. Она пыталась пробиться через броню сына, пока не поняла, что холодность – это не броня, это суть. Нет ничего за ней. Только отрешенность и безразличие. Женщина даже попробовала закатить скандал. Сын не отмалчивался. Отвечал. Спокойно и адекватно. Даже когда она с женской прозорливостью ткнула в самые больные места. Прежний Макс уже вопил бы и кидался в стену книгами. Он лишь покачал головой и снова уставился в потолок.

– Может быть его надо, – она сама ужаснулась своим словам, но не видела другого выхода – полечить? Ведь сейчас хорошо помогают тем, кто...

Она снова замолчала, осознавая нелепость своих слов. Откуда возьмутся специалисты по оказанию психологической помощи воскрешенным? Стыд перед Таем, ведь она начала

его искать только когда ей понадобилось, страх и отчаяние сплелись в комок, который уже не могли облегчить слезы.

– Он дома? – спросил Тай, Люда кивнула – Покажи его комнату.

Женщина готовилась уговаривать догматика, возможно стоять на коленях или предлагать себя. А он просто и без апломба поднялся и, почесывая жуткие шрамы на животе пошел в комнату к юноше.

Макс никогда не слышал голоса Тая, после воскрешения его вертели и обследовали врачи. Так что парень никак не отреагировал на голоса на кухне. Его не интересовало, что происходит в мире. Он ворочал в голове неудобное и страшное знание, которое давило на мозг как скала. Ад и рай выдумка, а в жизни человека не больше смысла, чем в жизни червяка, которого сожрет птица или раздавит машина.

Сначала он размышлял, стоит ли поделиться подобным знанием с окружающими и решил, что это жестоко. Сейчас он пытался научиться жить, с этой гигантской горой над головой. Даже убежденный атеист уверен в том, что смерть сродни сну. Где-то, на самом дне своей непризнанной души, он верит в какое-то посмертие. Для Макса тайны в загробном существовании больше не было и от этого хотелось выть.

Тай остановился перед комнатой юноши и жестом приказал Людмиле остаться. Можно было потребовать, чтобы она не подслушивала, но зачем заставлять ее врать. Он просто перенастроил ее ментальное восприятие. Теперь женщи-

на будет слышать из-за двери то, что рассчитывает услышать. Догматик не вдавался в подробности, но похоже это будет «проповедь», «увещевание» и «назидание». После этого он вошел в комнату.

– Ты?! – Макс не слышал голоса Тая, но запомнил его на всю жизнь.

– Я, – кивнул догматик.

– Зачем? – юноша почувствовал злость, поднимающуюся к горлу и мешающую дышать – Нахрена ты это сделал?

– Тебе надоела жизнь? – усмехнулся Тай и уселся на черный компьютерный стул – Это легко исправить.

– Нет! – Макс вспомнил то мгновение, когда начал распа-
даться, становиться пустотой, растворяться в Тяжелом Мире
– Не надо!

– Так чем же ты недоволен? – догматик взял со стола карандаш и принялся его рассматривать.

– Мне страшно, – парень с точки зрения догматика был слишком инфантилен для своих семнадцати лет – мне так страшно.

– Знаешь, что при применении пыток, – Тай взял листок и принялся на нем что-то небрежно рисовать – говорить начинают не на первом допросе, а перед вторым? Первый раз это ужасно, но, когда тебя волокут пытать второй раз, ты уже понимаешь, что тебя ждет. Разум вопит от ужаса, а тело сжимается в брыкающийся клубок. Крюки еще не покрылись твоей кровью, а тебе уже больно. Собственная память становится

палачом. Ты сейчас понял, что лучше бы я оставил тебя там. Пройти через это второй раз у тебя нет мужества. Но ты понимаешь, что избежать этого не сумеешь.

– Прекрати! – жалобно заныл Макс, ему было стыдно, что кто-то видит и понимает его трусость – Пожалуйста!

– Сам прекрати! – рявкнул Тай – Думаешь из-за того, что ты тут разыгрываешь страдальца, что-то изменится? Нет! Тебе дали еще немного времени, так потрать его с умом.

– Я не могу!

– Тогда найди дом повыше и сигани оттуда, – пожал плечами Тай – тем более сейчас ты можешь подготовиться лучше и не вопить полтора часа от боли. Шмяк и все.

Тай видел, что пацан совсем голову потерял от страха. Другие осудили бы его, но не догматик. Он даже сочувствовал ему. Ведь его с Внутреннего Круга тоже гнал страх. Догматик был достаточно сильной личностью, чтобы признаться в этом самому себе. Да, он сбежал в Тяжелый Мир, но что дальше? Тело проживет, даже со всеми ухищрениями догматика, от силы сто пятьдесят, ну двести оборотов планеты вокруг звезды. Потом смерть и Демиург призовет его. Если, конечно, тело не повредят еще раньше. Объединиться с Кубаной и прыгать из тела в тело? Раньше или позже взводы Паду найдут их и все.

В общем-то они находились почти в одинаковом состоянии. Только мальчик боялся посмертного небытия, а догматик ужасался загробной жизни. На краю сознания Тая по-

явилась какая-то идея, пока не оформившаяся полностью, но он позволил себе чуть-чуть оптимизма. В любом случае ему понадобится прорва ментальной энергии. И тут они с Максом могут помочь друг другу.

– Есть способ, – наконец сказал Тай.

– Ты ведь пришелец из духовного мира? – Макс расширил глаза, а в его сердце затеплилась надежда – Скажи, я смогу стать таким как ты?

Макс был готов провести оставшиеся годы в рубище, питаясь саранчой и проповедуя что угодно, лишь бы убрать нависшее над головой знание.

– Нет, – покачал головой мужчина – не сможешь. Но я помогу тебе иначе. Ты сможешь забыть, если захочешь.

Макс задумался, забыть об предстоящем эшафоте, совсем не одно и то же, что помилование. Впрочем, выбор иллюзорен, он кивнул.

– Хорошо, я согласен.

– Он согласен, – обращаясь к невидимой аудитории, едко заметил Тай, потом повернулся к юноше – Для свершения сделки, нужно, чтобы согласны были обе стороны. Зачем это мне?

– А... Ну... – Макс хлопал глазами перебирая в уме ценности доступные ему – у меня есть пара тысяч и комп...

То, что деньги все-таки придется где-то доставать, догматик уже понял. Но от юноши он хотел совсем другого. Подробно и без недомолвок он объяснил свое желание.

– Ты хочешь поселиться у нас? – вытаращился Макс – Зачем?

– Бездомным я привлекаю внимание стражи, – ответил Тай – поэтому мне нужно где-то жить, чтобы свершать омоления и чистить одежду. Не беспокойся, как только я освоюсь в этом мире, я уйду.

– Но мама...

– Будет не против, уверяю тебя, – кивнул догматик.

– Хорошо, – Макс был измучен морально, поэтому не стал спорить – Вот только я же все забуду? Откуда я знаю, какотреагирую на незнакомого мужика в квартире.

– Ты забудешь только посмертное знание, – сказал Тай – я его подменю более гуманными, слепленными из твоих прошлых представлений.

Макс ерзал, сидя на кровати. Пусть ложь, но она ослабит колоссальную тяжесть на душе. Тай готовился. Для начала он экранировал комнату. Не хватало еще, чтобы все видящие в округе сбежались на ментальный всплеск от ритуала.

– Мне нужен кусок сердца этого мира, – сказал он, оглядывая комнату.

– А что это? – Макс почувствовал холодок, он не знал, сколько еще его рассудок выдержит такие знания, заниматься поиском артефактов времени не было.

– Самородное железо, – рассеяно ответил догматик, потом взял со стола черный гематитовый браслет – вот такое, например. А теперь ложись и не двигайся, – приказал он

юноше.

Догматик не знал, как Демиург разделяет души на тяжелые и призванные. Праведник мог всю жизнь молиться и рассыпаться в мгновение ока, а жестокий бандит взлететь легким перышком на Внешние Кольца. Пол, раса, возраст, род занятий, убеждения, ничто из этого не имело значения. Но в каждой душе был потенциал, чтобы взлететь, даже в самой тяжелой, которая не просто осядет, а рухнет в землю, не успев даже взвыть. Просто у кого-то этого потенциала хватало чтобы взлететь, а у других нет.

То, что собирался сделать Тай, было прямым нарушением Первой Догмы. Преступлением куда худшим, нежели убийство. Догматик собирался изъять часть подъемной силы души юноши. Все равно тот осядет, просто в следующий раз процесс будет быстрее. Он положил руки на лоб и на промежность Макса. Слова древнего проклятого языка, на котором догматик читал заклинание, сводили скулы и во рту появился привкус крови.

Цветы на окне моментально завяли, а вода в аквариуме вскипела. Людмила, притаившаяся за дверью, потеряла сознание. Ледяной холод сковал Макса у него не было возможности даже дрожать. Только душа тряслась в теле, под жестокой стужей заклятия. Руки догматика покрылись инеем, а юноша весь посинел. Тай следил, чтобы не взять слишком много, он не хотел убить парня.

Мощный поток энергии вырывался из Макса, догматик с

трудом обуздал его и направил в одну из бусин гематитового браслета. Жизненная сила уходила из мальчика стремительно, Тай едва не прозевал момент, когда надо было закончить магическое действие.

Наполненный звенящей силой, он легко изменил память мальчика. Теперь он будет помнить длинный тоннель, яркий свет и ангелов, что мягко погрозили ему пальчиком и вернули обратно. Полная идиллия.

Подобные магические действия изматывают не хуже Дыхательных Рудников. Тай убедился, что все в порядке и позволил себе отключиться. Впервые за долгие сотни лет, догматик просто спал. А пришедшие в себя Люда и Макс бережно укрыли его одеялом, они уже любили его. Еще бы, ведь это был святой, который был образцом добродетели и благонаравия.

Глава 8.

Тай почти забыл, что такое сон. Догма Разума держала его в постоянном бодрствовании. Он позволил себе еще на пару секунд нырнуть в блаженное небытие. Потом все же прислушался к звукам, что разбудили его. В коридоре говорили. Точнее Людмила говорила в коридоре, а второй голос раздавался с лестничной площадки. И его он узнал сразу. Какого-то хрена сюда приперлась Кубана.

– Людмила Валентиновна, – жалобно, вышибая слезу, канючила она – я только в ножки поклонюсь святому человеку

и все. Пустите, что Вам стоит?

– Нинка, – Люда пыталась говорить тихо, но забывалась и повышала голос – я тебя на порог не пущу! Проваливай!

– Так не я это придумала, – самозабвенно врала Кубана, ей было до лампочки, кому первому из двоих пришла в голову идиотская идея сигануть с четвертого этажа – но я Макса не осуждаю. Во мне все изменилось, я увидела мир по-новому! И все благодаря святому отшельнику, что у вас живет. Дайте хоть поклониться праведнику.

Тай невольно заулыбался. У Кубаны с ассимиляцией все было в порядке. Разыгрывала дурочку она просто великолепно. Да еще и умудрялась на гордыне Людмилы поиграть. Еще бы, у нее нижайше испрашивали разрешения на доступ к телу. Догматик передумал выходить из комнаты, чтобы не портить выступление красавицы.

– Ох, Нинка... – Людмила женским чутьем понимала, что девочка ей врет, но понять в чем именно не могла.

– Людмила Валентиновна, я Вас очень прошу – канючила девушка.

– Стой здесь, – строго сказала Люда – я пойду посмотрю, проснулся он или нет.

Спал Тай в позе эмбриона и очень тихо. За сутки он не пошевелился. Дыхание было настолько незаметным, что Люда побаивалась, как бы Тай не умер. Она тихонько приоткрыла дверь и глянула на пушистый ковер, но догматика там уже не было. Он сидел в кресле и внимательно смотрел на Людми-

лу. Она вздрогнула. Опять этот взгляд, от которого ей становилось не по себе.

– Прости, я разбудила тебя? – сказала женщина.

– Нет, – пожал плечами Тай – все в порядке.

– Там, Нинка, – Людмила любила эту девушку, насколько ревнивая мать-одиночка вообще может любить потенциальную невестку – девушка Макса...

– Хорошо, – кивнул Тай – позови ее.

Женщина замялась на пороге. Включить или не включать свет. Судя по всему, гость в освещении не нуждался. Люди просыпаясь идут в туалет, чистят зубы, ворчат или потягиваются. Догматик просто сидел на месте и это немного пугало. С другой стороны, она чувствовала его внутреннюю силу. Женщину тянуло смириться перед этой силой. Ей осточертело быть героиней, которой все по плечу. На помощь ей пришли стереотипы. Она вспомнила, что у нее в доме два гостя. Хотя один из них странный, а другую она винила в почти удавшемся самоубийстве сына.

– Я пойду приготовлю кофе, – сказала она и направилась на кухню.

Кубана смиренно стояла в коридоре, понуро опустив голову, пока хозяйка проходила мимо. Сейчас Тай мог как следует рассмотреть тело, доставшееся красавице. Маленькая, худощавая, груди почти не видно, с густой копной иссиня-черных волос, видимо крашенных. Когда Люда загремела на кухне чайником, Кубана подняла взгляд и в нем не было и капли

смирения. Наоборот, красавица была в ярости.

– Ты что сделал, идиот?! – прошипела она Таю.

– Цыть! – так же тихо ответил догматик и принялся наспех сооружать «полог тишины», чтобы прислушивающаяся с кухни Люда ничего не услышала, кроме вымышленных нравоучений.

В ее голове, беседа протекала степенно, Тай сурово выговаривал юнице, та плакала и обещала исправиться. Особенно в той части, что касалась взаимоотношений с Максом. На самом деле, Кубана едва сдерживалась, чтобы не устроить погром в квартире и не изувечить Тая.

– Ты же стер все воспоминания о посмертии у этого малолетнего дебила! – яростно взвизгнула она.

– И чего? – не сразу понял Тай.

– А того, – злобно ответила Кубана – что он не помнит произошедшего! Теперь он считает, что я его девушка и приперся сегодня ко мне.

– В чем проблема? – пожал плечами догматик – Притворись, в первый раз что ли? Или с Голдузей у тебя все было исключительно по любви?

Только хорошая реакция спасла Тая от перелома челюсти. Кубана попросту взорвалась. Догматик легко уходил от ударов, но ему быстро надоело, и он легонько ткнул пальцем в нужную точку на теле девушки. На Внутреннем Круге он занимался не только Догмами. Красавица зашипела от боли и скорчилась на полу.

В этот момент в комнату зашла Людмила с подносом в руках. Она восприняла увиденное, как полную раскаяния в содеянном девушку и лучащегося благородством подвижника, что учит глупышку уму-разуму. Тай поднял Кубану и усадил на кровать. Люда села рядом и погладила девушку по волосам:

– Ничего милая, – ласково сказала она – все мы совершаем ошибки. Главное уметь их исправлять.

Женщина еще не решила, стоит ли подпускать девушку к сыну. О том, как она осуществит запрет, Люда даже не задумывалась. Но она знала ее почти с пеленок и простила. Ей было невдомек, что Кубана плачет от бессилия и боли, удар Тая частично парализовал ее.

– Людмила, – мягко попросил Тай – ты не могла бы выйти. Нам нужно закончить разговор без свидетелей.

– Конечно, – заговорщицким тоном сказала Люда и вышла, тихонько прикрыв дверь.

Тай опустился на колени перед девушкой и сжал определенным образом ее ладони. Паралич прошел моментально, но Кубана не шелохнулась. Сейчас она поняла, что не будь в Отхожих Пещерах рядом с Голдузей чешуйчатых, догматик искалечил бы обоих и пошел дальше не запыхавшись.

– Прости, – вполне искренне сказал Тай – я почти не помню ничего кроме Внутреннего Круга. Слишком много времени я там провел. Видимо я тебя обидел, извини.

Кубана молчала, ее больше всего бесило то, что догматик

сказал правду, с Голдузей она была исключительно из-за выгоды.

– Ладно, – Тай сел в кресло – хватит сырость разводить. В чем дело?

– Ты не понимаешь, – прошептала наконец Кубана – он любил эту девочку. Искренне и по-настоящему. И продолжает любить. Он смотрит на меня так... Как я хочу, чтобы на меня смотрели. На меня! Понимаешь?

– Нет, – коротко ответил Тай.

– Догматик хренов!

Тай развел руками. Догмы вгрызаются в разум медленно, но верно. Вытесняя ненужное для Шага, оставляя только то, что необходимо. Возможно лет пятьсот назад, Тай бы понял, о чем говорит девушка, но сейчас это лишь набор бессмысленных понятий, завязанных на половом инстинкте. Догмы не запрещали сношаться и большинство догматиков периодически совокуплялись. Для удовольствия и разрядки, но чувства в том виде, о котором говорила Кубана, покидали их еще до вступления на Внутренний Круг.

– Я вижу проблему, – спокойно сказал Тай – и ее надо решить.

– Да уж, проблема, – горько усмехнулась Кубана, она уже успела пожалеть об эмоциональном срыве – мальчик малость подвернулся на почве религии и тащит меня к местным жрецам на «исповедь» и «причастие».

– Кстати, – встрепенулся Тай – а где он сейчас? Ты его

хоть не убила?

– Нет, – отмахнулась красавица – сделала ему минет и напоила. Сейчас он дрыхнет в моей кровати, совершенно счастливый.

– И ты решила, что справилась с проблемой? – поинтересовался Тай.

– Ну, временно, – осторожно ответила Кубана.

– Семья и детеныши, – догматик устало прикрыл глаза – Семья и детеныши!

– Какие к хренам детеныши? – удивилась девушка.

– Ты, дорогая! Ты детеныш! Представь, как обрадуются родители Нины, не обнаружив любимую дочь дома, а на ее месте храпящего, пьяного любовника без штанов? Одеть же ты его не додумалась? И вся эта прелесть всего через неделю, после того как доченька сиганула из окна, с этим самым пацаном.

– Какой детеныш? – попробовала огрызнуться девушка – Этому телу уже шестнадцать лет, оно уж года три как готово рожать.

– Это их мир, – назидательно сказал Тай – и их правила. Которым мы должны следовать. Уверен в пожелание Посадника, чтобы мы вели себя тихо, никак не входят подобные истории.

Пришельцы с Колец замолчали. Столкновение двух культур шло наперекосяк. Впрочем, им еще никого не пришлось убить, так что пока они справлялись. Тай махнул рукой и

показал на чашки с кофе. Напиток был странным, но бодрящим и приятным.

– Может быть, – Кубана жевала печенье и ее голос был не очень внятным – мне вернуться и извлечь Макса из кровати?

Слух Тая был тоньше, чем у Кубаны и он первым услышал мат и грохот в подъезде.

– Думаю, – вздохнул догматик – уже поздно.

В дверь позвонили, длинно и настойчиво. Потом, почти сразу, принялись в нее колотить. Судя по грохоту, ногами. Людмила и так раздраженная приходом Нины, рванула к двери, мечтая сорваться на хама.

Перед дверью нетвердо стоял Макс, на его лице застыло глупое выражение, а левое ухо было красным и огромным. Юноша держался в вертикальном положении исключительно потому, что его держал за шиворот крепкий мужчина лет сорока. Стоило мужику разжать руку, как парня повело, и он влетел в коридор, сметая все с тумбочки.

– Макс?! – Людмила и раньше чуяла от сына запах алкоголя, но впервые видела его пьяным в хлам.

– Эти мать! Людка! – взревел мужик – Прихожу я с работы и вижу твоего сопляка с расстегнутой ширинкой в комнате Нинки! Даже сам не знаю, почему я его не прибил на месте!

– Сынок, – Люда кинулась к лежащему Макс, тот что-то невнятно бормотал и барахтался, путаясь в ковровой дорожке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.